

СПОР ОБ ЭТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ПЕЧЕНЕГ»

Рассказ А.П. Чехова «Печенег» редко становится предметом специального анализа. Впервые это произведение рассматривается в аспекте чеховской критики отдельных положений религиозно-философской этики Л.Н. Толстого. Впервые в указанном аспекте предпринят сопоставительный анализ главных героев рассказа, на основании чего предложены выводы об общем достаточно критическом отношении Чехова к толстовской этике.

Ключевые слова: А.П. Чехов; «Печенег»; Л.Н. Толстой; толстовство; религиозная философия; концепция личности.

Рассказ А.П. Чехова «Печенег» (1897) достаточно редко становится предметом специального анализа. Те исследователи, которые обращаются к данному произведению, анализируют в основном личность заглавного героя – отставного казачьего офицера Жмухина, которого соседи прозвали «печенегом» за варварское поведение его сыновей [1. Т. 9. С. 325], а также за то, что у него самого тяжелый характер, который проявляется, например, в презрении к женщинам [Там же. С. 330] и в том, что он притесняет свою жену [Там же. С. 324, 325, 330].

По мнению В.П. Вомперского, частое повторение Жмухиным выражения «знаете ли» указывает на то, что ему нечего сказать и что все его разговоры, которые он ведет, чтобы избавиться от одиночества, бессодержательны [2. С. 47–51; 3. С. 192].

В.Б. Катаев в своем анализе опирается на следующие слова Жмухина: «Да и хотелось на старости лет остановиться на чем-нибудь, чтобы не так страшно было умирать» [1. Т. 9. С. 327]. Исследователь, интерпретируя творчество Чехова в гносеологическом аспекте [4. С. 27], отмечает, что Чехов «фиксирует» даже малейшие черты человеческого духовного поиска. По мнению Чехова, поиск ориентира и смысла жизни усиливается в пожилом возрасте, когда человек чувствует приближение смерти. Это можно сказать не только о таком очевидно глубококом человеке, как Николай Степаныч в «Скудной истории», но даже о таком пустом, бесхарактерном человеке, как Жмухин [3. С. 192; 4. С. 160, 161]. Тем самым В.Б. Катаев подчеркивает, что Чехов отказывается придать героям однозначные, особенно категорически отрицательные, оценки [3. С. 189; 4. С. 162].

М. Фрайзе также организует свою интерпретацию рассказа вокруг заглавного героя. Он обращает внимание на то, что Жмухин знакомится со своим гостем на железнодорожной станции «Провалье» [1. Т. 9. С. 324; 3. С. 195], что герой близок к смерти [3. С. 194] и что в рассказе присутствуют мотивы страшного суда [1. Т. 9. С. 332; 3. С. 202–205]. Тем самым ученый интерпретирует личность Жмухина в свете таких экзистенциальных вопросов, как, например, смысл жизни [3. С. 4], и считает, что Жмухин «проваливается» [Там же. С. 195] и демонстрирует бессмысленность и пустоту своего образа жизни.

Итак, в центре анализа данного рассказа в большинстве случаев оказывается только образ Жмухина, образ же второго героя рассказа, гостя Жмухина, «частного поверенного» [1. Т. 9. С. 324], либо не изу-

чается вообще, либо интерпретируется однозначно положительно. Например, М. Фрайзе [3. С. 194] считает, что это представитель Бога, посланный ради проверки Жмухина, описываемый Чеховым только в положительном ключе.

В контексте настоящей статьи значимо также то, что М. Фрайзе соотносит рассказ «Печенег» с повестью Толстого «Казачьи» в аспекте интертекстуальности. Имеется в виду тема казачества в чеховском рассказе, в котором речь идет о казаках, о жизни офицера на Кавказе, также в обоих произведениях присутствует образ черкесской княгини [Там же. С. 197–199]. При этом М. Фрайзе [Там же. С. 200] упоминает тот факт, что гость Жмухина разделяет некоторые толстовские убеждения, например вегетарианство, никак не обращая при этом к позиции автора, к вопросу о том, как сам Чехов относится к таким убеждениям.

В свою очередь, В.Б. Катаев интерпретирует повесть Чехова «Огни» (1889) в аспекте чеховской критики Толстого как учителя, а именно критики стремления Толстого учить определенному пониманию нравственности [4. С. 29–34]. При этом исследователь не столько обращается к вопросу о содержании того, чему именно Толстой хочет учить, сколько к факту, что Чехов критикует само желание Толстого научить людей и убедить их в своей позиции. В целом вопрос отношения Чехова к Толстому в современном литературоведении активно изучается.

Однако рассказ «Печенег» никогда ранее не рассматривался в аспекте чеховского отношения к религиозно-философскому учению Толстого. Цель настоящей статьи – показать, что данный рассказ организован чеховской полемикой с отдельными положениями толстовской этики, такими, как отказ от насилия, в частности вегетарианство как отказ от насилия против животных.

Чехов глубоко уважал и личность, и художественное творчество Толстого. Так, например, он высоко ценил общественную деятельность писателя, который в 1891–1892 гг. спас многих людей от голодной смерти [5. С. 262]. Однако по поводу мировоззрения Толстого в марте 1894 г. Чехов пишет А.С. Суворину: «Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6–7, и действовали на меня <...> толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от

мяса» [1. Письма Т. 5. С. 278; 5. С. 319]. По мнению Чехова, толстовство вызывает дискуссии, поскольку любовь к людям в большей степени выражается в конкретной помощи им, нежели в подвигах аскетизма или самосовершенствования; поэтому сам Чехов уже не может быть толстовцем.

Что дискуссия о толстовской этике нужна, показывает высказывание героя в самом рассказе «Печенег»: Жмухин говорит о вегетарианстве как о «вере», которая «пошла» [1. Т. 9. С. 326]. Видимо, по крайней мере по мнению Жмухина, стало модным разделять такие взгляды. Конечно, нельзя считать высказывание героя мнением Чехова, но цитата из письма Чехова А.С. Суворину показывает, что Чехов также видит сильное влияние толстовских взглядов, по крайней мере, на себя самого. Поэтому писатель должен считать возможным или даже реальным, что данные взгляды также влияют на других людей, так что толстовство вполне может быть или стать «верой», которая «пошла».

Чехов вступает в дискуссию о Толстом, которая к концу XIX в. обостряется и в которой многие из русских мыслителей, такие, как В.С. Соловьёв или Д.С. Мережковский, выступают против Толстого [6]. Но Чехов критикует Толстого с точки зрения, не совпадающей с позицией этих философов, о чем свидетельствует приведенная выше цитата из его письма. Чехова отличают положительный взгляд на технический прогресс и убеждение, что мировоззрение многих русских религиозных философов может быть только пустым философствованием [4. С. 29].

Для специального анализа критики элементов толстовской этики в «Печенеге» следует обратиться к сопоставлению двух центральных героев рассказа, Жмухина и его гостя. Данный анализ в чеховедении предпринимается впервые.

Очевидно, что Чехов изображает Жмухина и его гостя как антагонистов. Жмухин описывается как «старый, сухой и сутулый» человек [1. Т. 9. С. 324], у него ноги «жилистые и сухие, как палки» [Там же. С. 328]. Он много разговаривает, при этом часто повторяя выражение «знаете ли» [Там же. С. 325]. Но самое значимое заключается в следующем: с одной стороны, он любит «поговорить о чем-нибудь важном и серьезном» [Там же. С. 327], ему хочется мысли, которая может быть «руководством в жизни» [Там же. С. 328]; с другой стороны, говорится, что «в [его] голове <...> все [перепутывается] и все [становится] неясно» [Там же. С. 331]. Его мысли передаются Чеховым следующими словами: «Вот хорошо бы и ему [Жмухину], старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств. Время, когда люди не будут убивать друг друга и животных, рано или поздно настанет <...> и он воображал себе это время и ясно представлял самого себя, живущего в мире со всеми животными, и вдруг опять вспомнил про свиней, и у него в голове все перепуталось» [Там же. С. 328]. Жмухин уверен в том, что в принципе животные могут жить на воле и что это было бы хорошо, но о свиньях он думает: «Ведь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотреть за ней, всё вам попортит за один день. Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей прозва-

ли...» [Там же. С. 327]. Это показывает неясность его мыслей, особенно то, что он не понимает, что нельзя объяснить прямое значение слова «свинья» с помощью метафорического [3. С. 197].

Поэтому можно сказать: хотя Жмухину кажется, «что он очень серьезный, глубокий человек» [1. Т. 9. С. 328], он не способен рассуждать о нравственности разумно. Его неясные мысли о свиньях впервые возникают, когда он смотрит на ветчину, лежащую на его столе [Там же. С. 327]. Данная подробность указывает на то, что его образ жизни не соответствует его мыслям: Жмухин считает, что вегетарианство хорошо, но сам не практикует его. И по отношению к людям он такой же безнравственный. Будучи офицером, он приказал побить кавказскую княгиню, оплакивающую мужа [Там же. С. 328, 329], без каких-либо моральных рассуждений он рассказывает истории о том, что люди часто поступают безнравственно [Там же. С. 329, 330], и особенно ярко он демонстрирует, что презирает собственных детей и свою жену [Там же. С. 330]; он даже говорит: «Я женщину, признаться, не считаю за человека» [Там же. С. 330]. Словом, это старый, худой, беспокойный, глупый и недобрый человек.

Гость же описывается как «белокурый господин, средних лет, пухлый» [Там же. С. 324]. Жмухину кажется, что это очень спокойный человек, который «молчит и терпеливо скучает, и в сумерках [он] похож на большой булыжник, который не сдвинешь с места» [Там же. С. 327]; уже внешне, можно сказать, он напоминает ангела в стиле барокко [3. С. 194] или спокойно медитирующего Будду (касательно связи между Толстым и Буддой см.: [7. С. 226]). Гость может уверенно сказать, что он вегетарианец, потому что считает безнравственным причинять животным боль и последовательно соблюдает данный моральный принцип [1. Т. 9. С. 326].

Кажется, что все однозначно и что не может быть большей разницы между людьми, чем между этим кротким, последовательным человеком, с одной стороны, и Жмухиным – с другой. Но, тем не менее, можно констатировать значимые параллели между обоими героями. На уровне фабулы рассказа первая параллель заключается в том, как они относятся к жене Жмухина, которая страдает из-за того, что не имеет возможности дать своим сыновьям образование [Там же. С. 327, 328]. Она несколько раз в течение ночи пытается начать разговор с гостем, чтобы устроить своих сыновей на учебу в городе. Однако разговор не состоится, потому что Жмухин вмешивается, говоря: «Ничего ты, мать, не понимаешь, и не твое это дело. <...> Не приставай к гостю со своими разговорами дикими» [Там же. С. 328]. Неудивительно, что Жмухин, презирающий жену, поступает так. Гость же мог бы помочь ей. Он мог бы сразу остановить Жмухина и сказать, что женщина ему не мешает; он мог бы подойти к ней на кухню ночью, в отсутствие Жмухина. Но он ничего не делает. Поэтому можно констатировать, что гость пять раз явно выступает за вегетарианство и в защиту животных [Там же. С. 326, 327] и только один раз (и то не однозначно) – за презираемых Жмухиным женщин в общем, говоря, что

ему «душно», в тот момент, когда Жмухин утверждает, что не считает женщину человеком [Там же. С. 330]. Непосредственно за жену Жмухина гость не заступает ни разу. Словом, Жмухин обижает свою жену, «частный поверенный» же оказывается неготовым помочь ей.

В связи с этим можно отметить вторую параллель между героями рассказа. Символику суда, которую М. Фрайзе применил к Жмухину, можно распространить и на гостя. В Новом Завете говорится о том, что на Страшном суде неправедные окажутся на левой стороне не за то, что они не соблюли обрядов или рассуждали неправильно, но по одной той причине, что не помогли нуждающимся (Мф. 25, 31–46). В рассказе на левой стороне оказываются и Жмухин и, наряду с ним, его гость: дано описание надвигающейся грозы, небо делится на две половины, на левой половине «тяжелые грозовые тучи, черные» [Там же. С. 331], и гром, напоминающий «сражение» [Там же]. Говорится о том, что эти тучи захватывают хутор Жмухина «краем» [1. Т. 9. С. 331; 3. С. 204], так что оба героя рассказа оказываются на стороне темноты и угрозы. Это стоит понять символически: как Жмухин унижает жену, так и гость не поддерживает ее. Поэтому на уровне символики они оба осуждены.

Третью параллель можно обнаружить, отвечая на вопрос, почему гость не помогает женщине. Конечно, ситуация в доме Жмухина явно отчаянна, и по-человечески понятно, что, может быть, он просто думает, что ничего не может сделать, или же боится «печенег». Но более того, следует еще обратить внимание на менталитет гостя, который как бы нечаянно улавливает «печенег». Ночные мысли Жмухина передаются следующими словами: «Хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе, как у этого гостя, который вот наелся огурцов и хлеба и *думает, что от этого стал совершеннее* <...> Имеет человек в жизни зацепку – и *хорошо ему*» [1. Т. 9. С. 327] (курсив наш. – Ш.Л.). Жмухин хочет быть как гость. При этом он думает, что тот ведет себя кротко и практикует вегетарианство, в первую очередь для того, чтобы ему самому было хорошо. И, с точки зрения автора, в этом есть доля правды: часто подчеркиваются «тихий, скромный нрав» [Там же. С. 324] частного поверенного, его «кротость, душевная тишина» [Там же. С. 327], «кротость и деликатность» [Там же. С. 332], снова «кротость» [Там же]. В этом нельзя не увидеть авторской иронии. В такой ситуации, как на «Печенеговом хуторе», этическая концепция отказа от насилия в виде кротости и душевной тишины не может быть надежным ориентиром, эти свойства, как говорится, «[мешают] ему [гостю] высказать на словах свою досаду» [Там же].

Значимо в данном контексте особенно то, что, по мнению Жмухина, гость «думает, что <...> стал совершеннее» [Там же. С. 327]. В рассказе не показано, что «частный поверенный» на самом деле становится совершеннее. Тот факт, что Жмухин не стремится к тому, чтобы быть как человек, в действительности приближающийся к совершенству, что ему достаточно быть как человек, которому кажется, что он усовершенствуется, даже если тот человек может оши-

биться или обмануть себя, в очередной раз свидетельствует о нравственной пустоте заглавного героя: для него не играет роли быть хорошим, ему достаточно думать, что он хорош. А библейский подтекст и фабула рассказа показывают, что Жмухин улавливает правду также о своем госте и что тот, обманывая себя, действительно только думает, что он становится совершеннее. Как было сказано, «частный поверенный», как и Жмухин, символически попадает под осуждение. А в финале рассказа он теряет спокойствие [Там же. С. 332]. Таким образом, параллель на уровне характеристики героев заключается в том, что оба желают душевного спокойствия, но не делают того добра, которое им нужно совершить, и, в конечном итоге, один из них спокойствия не находит, а другой его теряет.

Четвертую параллель между Жмухиным и гостем, параллель на уровне их высказываний, можно увидеть в той реальной этической позиции, которую они оба представляют и которая обоим не помогает поступать правильно. Оба героя убеждены в том, что было бы идеально, если бы все люди жили в мире друг с другом и все животные жили на воле [Там же. С. 326–328]. Поэтому гость и является вегетарианцем, так как он считает насилие против животных неправильным [Там же. С. 326]. Также по отношению к людям гость «тихого, скромного нрава» [Там же. С. 324], и даже на грубое, бестактное поведение Жмухина он почти до последнего момента реагирует мирно, так что можно считать его представителем этической концепции отказа от насилия [Там же. С. 332].

Жмухин же мечтает о следующем: «придумать бы для себя какой-нибудь подвиг, например, пойти бы пешком куда-нибудь далеко-далеко, отказать бы от мяса <...>» [Там же. С. 331]. В связи с тем что рассказ богат аллюзиями на повесть Л.Н. Толстого «Казачьи», стоит воспринять данное сочетание как намек на вегетарианство и одновременно на ссылку многих толстовцев. Более того, как уже было сказано, Жмухин говорит о вегетарианстве как о «вере» [Там же. С. 326]. Он считает, что вегетарианство связано с глубокими духовными убеждениями, как это происходит именно в толстовстве [6. С. 228]. В целом, гость описывается как толстовец; Жмухин же – как человек, который разделяет его взгляды, но не воплощает их.

В данном контексте имеет значение то, что Жмухин рассказывает о своем времени на военной службе: «У нас, на Кавказе, знаете ли, один полковник тоже был вегетарианцем. Не ел мяса, никогда не охотился и не позволял своим людям рыбу ловить» [1. Т. 9. С. 331]. То есть данный человек, будучи офицером, был готов убивать людей, но не животных. В этом рассказе Жмухина проявляется позиция автора: Чехов намекает на то, что, по его мнению, у таких людей, как «частный поверенный», иногда идеологического убеждения бывает гораздо больше, нежели реальной любви к людям.

На этом фоне пустое философствование Жмухина, без практических последствий, а наоборот, связанное с противоположными по своему смыслу поступками, можно считать пародийной параллелью к поведению гостя и ему подобных интеллигентов и философов,

часто критикуемых Чеховым за их безделье [5. С. 481]. Подобно тому, как размышлениям Жмухина, которые тот считает глубокими и серьезными, абсолютно не соответствует его образ жизни, этика гостя также оказывается бессмысленной, поскольку критерием ее истинности является не то, что человеку от размышлений спокойно на душе, но то, что его жизнь приносит пользу бедным и страдающим.

Поэтому есть еще пятая параллель между героями, снова на уровне фабулы: Жмухин с самого начала неспокоен, у гостя в последний момент фасад преходства и чистой духовности падает. Крик гостя при отъезде: «Вы мне надоели!» [1. Т. 9. С. 332] показывает, что перед жестокой реальностью этика самосовершенствования путем кротости и смирения не выдерживает, гость теряет спокойствие, он не просто уезжает, он убегает, «точно боясь, что его вот-вот задержат» [Там же]. Он убегает потому, что не хочет, чтобы его задержали Жмухин или его жена. Прикасаться к неприятной, трудной реальности в доме Жмухина, чтобы изменить ее к лучшему, он не хочет. Его духовность направлена не на то, чтобы через правильное понимание добра выбрать правильные поступки, а на то, чтобы было «хорошо ему» [Там же.

С. 327]. Жмухин не может найти душевного спокойствия, потому что его мучают бесконечные мысли о смысле жизни и постоянная неясность данных мыслей, связанная с непоследовательностью его поступков; гость же теряет спокойствие буквально в последний момент, потому что боится того, что его еще могут задержать в доме Жмухина, в том числе того, что жена Жмухина может еще в последний момент подойти к нему, начать разговор и попросить о помощи [Там же. С. 332].

В целом общее типологическое сходство между уравновешенным, спокойным гостем-толстовцем и беспокойным, смешным Жмухиным свидетельствует о том, что, с точки зрения Чехова, толстовская этика, в особенности в ее аспектах вегетарианства и вообще отказа от насилия, может представлять собой бесполезное философствование. По мнению Чехова, такое философствование, как вообще русская религиозная философия его времени, включает в себя риск пассивности и безделья. Конечной проверкой же этических позиций обоих героев в рассказе «Печенег» становится способность или неспособность человека оказать другому человеку практическую помощь и поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
2. Волперский В.П. Повторы как прием соиздания речевых характеристик персонажей в рассказах А.П. Чехова // Русский язык в школе. 1960. № 1. С. 47–51.
3. Freise M. Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen. Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
4. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979.
5. Simmons E. Chekhov. A Biography. London, 1963.
6. Лурье А.С. После Льва Толстого. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0360.shtml (дата обращения: 04.08.2014).
7. Прокотчук Ю.В. Лев Толстой и индийская религиозно-философская мысль: точки соприкосновения // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 221–231.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 сентября 2014 г.

THE DISCUSSION ON LEO TOLSTOY'S ETHICAL TEACHING IN ANTON CHEKHOV'S STORY "THE PECHENEG"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 22–26. DOI: 10.17223/15617793/387/4

Lipke Stephan. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

Keywords: A.P. Chekhov; "The Pecheneg"; L.N. Tolstoy; Tolstoyism; religious philosophy; personality.

Anton Chekhov's story "The Pecheneg" (1897) is not often analyzed in particular. In our essay it is for the first time considered from the point of view that in it Chekhov criticizes some elements of the religious and philosophical ethics of Leo Tolstoy. The essay aims at demonstrating that the story is organized by Chekhov's polemic with some ideas of the Tolstoyan movement, such as non-violence and, in particular, vegetarianism. For the first time the two main figures of this story are analyzed in this aspect, on behalf of which conclusions are drawn concerning Chekhov's general attitude towards the Tolstoyan ethics, which is rather critical. We pay attention to the relations between the two writers. Chekhov profoundly esteems Leo Tolstoy's work and his personality. But he criticizes Tolstoy's weltanschauung in many points, because he is convinced that working for the good of human beings is more important than abstinence from meat or other forms of asceticism. M. Freise observes that there is an intertextual connection between Chekhov's story "The Pecheneg" and Tolstoy's tale "The Cossacks". This leads us to the opinion that, in order to understand Chekhov's attitude towards Tolstoy's doctrines, it is "The Pecheneg" that assumes a key role, and most of all, the relations between the two main figures in it. Chekhov presents Zhmukhin and his guest as antagonists. Zhmukhin is an old, meagre, nervous, stupid, ridiculous and unkind man; his guest is a blond and well-fed man in his midlife. He is a very quiet man, who can clearly say why he is a vegetarian, and consistently respects this moral principle. But we can state meaningful parallels between both heroes: Zhmukhin treats his wife badly, the guest, in a crucial moment, does not help her; Zhmukhin is symbolically condemned during the Judgment Day, the guest is included into this condemnation; Zhmukhin is keen on his own spiritual tranquility, the guest is obviously also predominantly interested in the same; Zhmukhin reflects on the good aspects of life without violence, and most of all on vegetarianism, the guest is a clearly convinced vegetarian and a peaceful and meek person; Zhmukhin is nervous from the very beginning, the guest loses his appearance of superiority and pure spirituality at the last moment. Describing Zhmukhin as a morally depraved person who in vain pretends to have (or longs for having) wise thoughts and does not lead a wise life, Chekhov at the same time points out that, from his point of view, Tolstoyans like the guest sometimes do not live any better than people like the "pecheneg". Thus we come to a conclusion that Chekhov in this story expresses his opinion that representatives of the Tolstoyan weltanschauung often spend their time philosophizing in vain, instead of helping those who need practical support.

REFERENCES

1. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters. In 30 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974-1983.
2. Vomperskiy V.P. Povtory kak priem sozidaniya rechevykh kharakteristik personazhey v rasskazakh A.P. Chekhova [Repetition as a device for creating speech characteristics of characters in the stories of A.P. Chekhov]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1960, no. 1, pp. 47-51.
3. Freise M. *Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen.* Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
4. Kataev V.B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: MSU Publ., 1979. 326 p.
5. Simmons E.J. *Chekhov. A Biography.* London: Cape, 1963.
6. Lurie A.S. *Posle L'va Tolstogo* [After Leo Tolstoy]. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0360.shtml. (Accessed: 04th August 2014).
7. Prokopchuk Yu.V. *Lev Tolstoy i indijskaya religiozno-filosofskaya mysl': tochki soprikosnoveniya* [Leo Tolstoy and the Indian religious and philosophical thought: common points]. In: Zhilyakova E.M., Gnyusova I.F. (eds.) *Lev Tolstoy i vremya* [Leo Tolstoy and time]. Tomsk: TSU Publ., 2010, pp. 221-231.

Received: 05 September 2014